УДК 1(091)

DOI: 10.33184/ksnf2021-2021-11-24.24

*Митрошин Д.А.
студент 2 курса
направления подготовки «Философия»
Башкирского государственного университета
(г. Уфа, Россия)*

Отречение от национализма в философии В.С. Соловьева и в евразийстве

Аннотация: В статье рассматриваются схожие моменты в позициях по национальному вопросу В.С. Соловьева и евразийцев (в частности, Г.В. Вернадского и Л.П. Карсавина), доказывается антинационалистический характер евразийства, его преемственность концепции «национального самоотречения» Соловьева.

Ключевые слова: евразийское месторазвитие, симфоническая личность, национальное самоотречение, Запад, Россия, национальный эгоизм

*D. Mitroshin
2nd year student
Educational program "Philosophy"
Bashkir State University
(Ufa, Russia)*

National self-denial in the philosophy of V.S. Solovyov and in Eurasianism

Abstract: The article examines similar points in the positions on the national question of V.S. Solovyov and the Eurasians (in particular, G.V. Vernadsky and L.P. Karsavin), proves the anti-nationalist nature of Eurasianism, its continuity of Solovyov's concept of "national self-denial".

Keywords: Eurasian place development, symphonic personality, national self-denial, West, Russia, national egoism

Известно, что философия всеединства В.С. Соловьева оказала довольно сильное влияние на философские взгляды представителей евразийства. Ее след виден в евразийском стремлении к организации новых по своему типу, гармонично устроенных общества и государства, в отведении особого места в них христианской вере.

Начать следует с того, что евразийцы вслед за В.С. Соловьевым боролись с ограниченностью позитивизма и крайностями рационализма и эмпиризма, торжествовавшей в Европе. Владимир Сергеевич считал, что философия и наука Запада стали исчерпывать себя, следствием чего стало появление позитивизма. Для дальнейшего продвижения по пути познания истины человечеству необходимо перейти к цельному знанию, являющегося синтезом науки, религии и философии, и имеющего своим предметом Абсолют (Бога). Однако Соловьев

полагал, что этого нельзя достичь в условиях национальной замкнутости, к достижению которой в России стремились многие современники философа. Национализм нужно преодолеть, и в этом миру может помочь Россия, выступив посредником, примирителем между Западом и Востоком [4, с. 257].

Впервые о проблеме тупикового развития европейской науки начали размышлять основатели славянофильства в лице А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, уже они предлагали его решение, завязанное на православии. В.С. Соловьев занялся дальнейшей разработкой этой идеи, создал философскую систему, в которой «всеединство» распространялось уже не только на вопросы знания, но и на жизнь как конкретного человека, так и всего общества [5, с. 127]. Евразийцы пошли еще дальше, и, во многом оставаясь на позициях философии всеединства, не просто утверждали главенствующую роль религии в общественной жизни, но заостряли внимание на ней. Часто они критиковали коммунистическую идеологию, при этом не отвергали необходимость и ценность идеологии для государства, как это делали многие либеральные критики коммунизма и марксизма [8, с. 101]. Наоборот, евразийцы открыто провозглашали наиболее подходящей формой государства для России государство «идеократическое», господствующей идеей в котором должна была стать православная вера. При этом идеократический строй и всеединство знания, общественной жизни взаимообеспечивали друг друга.

Таким образом, и В.С. Соловьев, и евразийцы лучшей формой государства считали религиозную или даже теократическую. Такая форма государства вырастала из самой идеи всеединства, и из этой же идеи Соловьев выводил роль России в истории, связанную с объединением Востока и Запада. С точки зрения первого русского философа-систематика это возможно лишь если Россия не пойдет по пути национализма («национального эгоизма») и совершит акт национального самоотречения, приняв себя как органическую часть всего человечества [4, с. 262]. Народ у Соловьева подобен человеку, общество – человечеству. Точно так же, как человек обретает свои личностные качества лишь в обществе, так и народ полностью раскрывается, лишь гармонично существуя среди других народов. Эгоизм в обоих случаях имеет разрушительное воздействие на личность – будь то личность-народ или личность-индивид. Отказ от национального эгоизма у В.С. Соловьева и носит название «национального самоотречения».

Стоит отметить, что у евразийцев Россия также рассматривается как связующее звено, наиболее полно реализующее себя в рамках симфонической личности «России-Евразии»; кроме нее существуют и другие симфонические личности (цивилизации, культурно-исторические типы), однако основатель течения, Н.С. Трубецкой, например, не признавал человечество как симфоническую личность [7, с. 13]. Это положение, вкупе с центральной в евразийстве ролью православия и русской культуры, может способствовать рассмотрению этого течения в качестве своеобразной разновидности русского национализма. Мы не согласны с этим, и считаем, что обратное можно доказать, рассмотрев философию евразийцев в ее связи с философией В.С. Соловьева. Из его работ, посвященных национальной теме, хотелось бы выделить статью

«Русская идея» и сборник «Национальный вопрос в России». Последний в основном состоит из последовательного противостояния славянофильству (признаваемого евразийцами родственным направлением) в тех его аспектах, в которых он переходил в национализм – особенно это касается воззрений «неославянофилов» Страхова и Данилевского.

Так, Соловьев выступает с критикой важного для славянофильства утверждения исключительной истинности православия, выливающегося в обвинение католичества в ереси. По мысли Владимира Сергеевича, две крупнейшие ветви христианства являются осколками вселенской истины и потому выражают ее лишь в определенном аспекте; нередко это выражение приобретает грубые и пагубные для развития человечества формы, чему способствует национальный эгоизм. Национализм замыкает народы в себе, не дает «осколкам истины» воссоединиться. Обвинение Запада в папоцезаризме и Востока в цезарепапизме есть критика искаженных историей идей царя и первосвященника. *«Самые лучшие и важные моменты в жизни вселенской церкви были моментами полного согласия и единодушия папы, императора и собора»* – и, согласно соловьевской точке зрения по национальному вопросу, человечество ждет его золотой век, в том случае, если Запад войдет в гармонию с Востоком, первосвященник – с царем [10, с. 323]. Эти две фигуры крайне важны в философии В.С. Соловьева, они представляют собой важные части Вселенской Церкви, наряду с третьим ее членом – пророком. Эта триада в «Русской идее» именуется философом «тремя членами социального бытия», и их гармоничное сосуществование как бы утверждает народ в вечности, как неотделимую и важную часть человечества [11, с. 242]. Первосвященник в этом единстве олицетворяет прошлое, светский правитель – настоящее, и пророк – будущее. В то же время национализм предоставляет народам шанс лишь стать отрицательным примером для остальных людей или и вовсе кануть в Лету – такая перспектива была и у романовской России, в которой царь подавил священство, полностью подчинил себе церковь. Из-за отсутствия настоящего союза, единения между светской и духовной властью, Россия не получила и своего «пророка» – отсутствие свободы слова мешало здоровому складыванию интеллигенции, культуры.

А.А. Тесля выделяет три этапа в философском творчестве В.С. Соловьева, касающегося национального вопроса: славянофильский, теократический и посттеократический [9, с. 10]. Обе рассмотренные нами работы относятся ко второму периоду, во время которого Владимир Сергеевич уже не видел Россию как выражение общечеловеческого, универсального, но считал её потенциальным воплощением идеи царя, основой будущего вселенского государства. Однако действительность, совершенно не похожая на проповедуемый Соловьевым союз трех членов, могла стать причиной некоторого разочарования философа, произошедшего с ним на третьем этапе – посттеократическом, и болезненности этому разочарованию могло придать осознание величия прошлого России, в котором она уже делала шаги, чрезвычайно важные для осуществления единства социальной троичности.

Величие прошлого русского народа заключается в том, что он уже дважды совершал подвиг национального самоотречения; впервые подвиг был совершен с призывом варягов, во второй раз – с правлением Петра I. Оба раза в жизнь русского народа требовалось привнести начала, в ней отсутствовавшие – с норманнами к нам пришла государственность, с петровскими реформами – образованность и просвещение [10, с. 289]. В обоих случаях заимствованы были чужие формы, ибо, чтобы выработать свои собственные, нужно опираться на что-то конкретное, уже существующее. Однако инородное вмешательство не погубило народ. Призвание варягов обеспечило существование России как государства, в то время как благодаря преобразованиям Петра она приобщилась к тому европейскому и в то время передовому, без которого стала бы блеклой окраиной цивилизованного мира. Русский народ, таким образом, дважды порывался обрести свое важное место в органически устроенном человечестве.

Если посмотреть на события, обозначенные как «подвиг национального самоотречения», с евразийской точки зрения, то мы, безусловно, будем вынуждены отнести к петровским реформам с меньшей, чем Соловьев, симпатией. Также спорным будет рассмотрение национального самоотречения как становления России в качестве органической части человечества. Однако, как нам кажется, все евразийцы могли бы согласиться с тем, что дважды совершенный народом подвиг самоотречения имеет значение как его становление не в человечестве, а в евразийской цивилизации, «России-Евразии». Русская история как движение к созданию всеевразийского государства и освоение евразийского месторазвития раскрывается в монографии Г.В. Вернадского «Начертание русской истории».

После призвания варягов начался процесс образования русского государства, в результате которого значительная часть восточноевропейской равнины оказалась под властью киевского князя. Своего пика развитие Киевской Руси как евразийской державы достигает при князьях Святославе и Владимире [1, с. 22]. Русские земли, сначала в едином, а затем и в раздробленном виде, начинают долгое и сложное взаимодействие с народами степи, постепенно осваивая восточную часть своего месторазвития, особенно – в период зависимости от Золотой Орды, названный П.Н. Савицким «монгольской школой» [6, с. 242]. В XV-XVII веках Московская Русь, включившая в свой состав многочисленные государства-преемники распавшегося Улуса Джучи (Большая Орда, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства) начинает стремиться на Запад. Наиболее ярко этот порыв виден в правлении Ивана IV, известным долгой и изнурительной Ливонской войной – провал в ней во многом обеспечил наступление крайне трудного времени в истории нашей страны, именуемого нами Смутой. Царству Ивана Грозного не удалось закрепиться на берегах Балтийского моря, не оправдало себя и высокомерие Ивана Васильевича в переписках с европейскими государями: со шведскими монархами, польским королем Стефаном Баторием, с английской королевой Елизаветой I, – с приходом Смуты Россия растеряла какое-либо могущество и в течение века с лишним была вынуждена его возвращать, чтобы вести политику наравне со странами Европы. Иван Грозный выглядит воплощением национальной гордыни

русского народа, которая не давала ему реализовать свою действительную роль как важной части многонародного человечества.

Петр I, проведя реформы на западный лад, произвел отклонение от курса на дальнейшее чрезмерное обособление России, проложенного предыдущими царями, совершил необходимое обновление страны – и культурное, и технологическое. Можно согласиться с евразийцами, что вестернизация несла с собой множество минусов, которые и привели императорскую Россию к гибели. В таком случае, однако, необходимо отметить и то, что приобщение к Западу позволило русскому народу наконец освоить западную часть евразийского месторазвития – речь об Украине и Беларуси, которые целиком вошли в состав России лишь в XVIII веке. Как писал Г.В. Вернадский: *«Евразия есть с конца XIX века область действия русского исторического процесса, русское историческое месторазвитие»* [1, с. 14]. Таких успехов в освоении Евразии русский народ достиг во-многом и благодаря удовлетворении чисто материальных потребностей, совершенных с перенятием европейских достижений в науке и технике. Мы готовы предположить, что чисто механический перенос материальных достижений западной цивилизации на русскую почву не имел бы почти никаких результатов – вместе с принятием материальных сторон жизни требовалось и принятие её социальных, политических, духовных аспектов, хоть и не с перегибами, свойственными Петру и его последователям. Связана эта необходимость с тем, что техника успешно применяется при наличии в обществе целых институтов, систем, в рамках которых могло бы осуществляться использование той или иной технологии. Например, Петр I активно поддерживал строительство мануфактур, но перенос этого детища европейской цивилизации в Россию был довольно поверхностным; мануфактуры имели эффективность низкую в сравнении с той, что была у них на Западе. Дело в данном случае не только в том, что Россия отставала во внутреннем развитии капитализма, но также и в том, что она не была знакома с бюргерством и всей его жизненной организацией, неразрывно связанной с европейскими мануфактурами. В данном аспекте Петр и его сподвижники были поверхностны – за поверхностность реформ их часто критиковали, в том числе и евразийцы. Из вышесказанного следует – все, что Россия хоть сколько-то переняла у Запада, она переняла в той степени, в которой отказалась от национального эгоизма и впитала чужеродные элементы устройства общественного, политического и духовного бытия. Подвиг национального самоотречения, совершенный при Петре I, таким образом, является залогом всех славных побед и исторических успехов России, имевших место в период XVIII – XIX веков.

С наступлением XX века Россию начали терзать внутренние неурядицы, пошатнулся и ее международный авторитет. Получили свое дальнейшее развитие те многие проблемы русского народа, что были замечены еще В.С. Соловьевым. Владимир Сергеевич, однако, не дожил ни до одной из русских революций, в отличие от евразийцев, бывших ее свидетелями и искавших объяснение краху Российской империи, а также пытавшихся определить сущность новой советской власти, предсказать исторический путь России,

возрожденной в лице СССР. Сущность российских потрясений начала XX столетия, как мы думаем, наиболее глубоко исследована в работе Л.П. Карсавина «Феноменология революции». Анализ многих положений этой же работы позволит нам предположить, чем Октябрьская революция была для России как для ядра евразийского месторазвития.

Революция, по определению Л.П. Карсавина, это «*Процесс длительного вырождения правящего слоя, уничтожения его национальной государственной стихией и создания нового правящего слоя*» [2, с. 41]. Лев Платонович выделял пять фаз революции [3, с. 84]. На первом происходит вырождение и гибель правящего слоя. Вторая фаза – «период так называемой анархии», который, по замечанию Л.П. Карсавина, все же правильнее будет называть периодом «панархии». Во время этой «панархии» старый правящий слой уже является погибшим, а ростки новой власти еще только пробиваются. Этому периоду присущ эгоизм частей, составляющих симфоническую личность, в том числе и национальный эгоизм, проявляющийся как сепаратизм. Россия на этом этапе революции прошла через отделение национальных окраин. Третья фаза революции связана с проявлением до этого ослабленной государственности в качестве грубой силы. Олицетворением этой силы являются сильно идеологизированные противники старого правящего слоя, маргинальные элементы старого общества. В четвертой фазе эти элементы заменяются приспособленцами и прочими людьми, «потерявшими свою идеологию», общество становится более пассивным и спокойным. В такой обстановке переходный, революционный правящий слой наконец постепенно сменяется новым правящим слоем – этим отличается пятая фаза революции. Народ обретает с новым правящим слоем и новую идеологию, отвечающую его действительным задачам и жизненным идеям, нахождению которых в глубине самого народа способствует революция. Дело в том, что она «расплавляет» всю народную жизнь, в коей теряются границы между социальной, политической, экономической и другими сферами – вместе с этим обнажается, раскрывается сама народная природа. В романовской России, например, национальная натура была в определенной степени подавлена, скрыта европейским правящим слоем. Когда же русский народ прошел через бурю революции, он вернулся на свой исторический путь. Учение Л.П. Карсавина сильно созвучно философии В.С. Соловьева, и мы считаем, что есть все основания для того, чтобы признать Октябрьскую революцию третьим подвигом национального самоотречения русского народа, позволившим ему органично встроиться в мир, занять свое, безусловно, важное место в человечестве.

Лев Платонович Карсавин в своем понимании симфонической личности и России-Евразии в частности далек от националистической трактовки этих евразийских терминов. Он признает, что восточная и западная ветви христианства – части одной христианской симфонической личности, что уже не дает воспринимать Европу как исключительно враждебную и чуждую России цивилизацию [2, с. 30]. Следующие строки и вовсе максимально сближают философию Л.П. Карсавина с мыслями В.С. Соловьева, изложенных в «Русской идее» и в «Национальном вопросе в России»: «*Для полного обоснования*

народных идей требуется еще и постижение их как особой, возложенной Богом именно на данный народ миссии, которая обладает ценностью для других народов и абсолютной ценностью, являясь вместе с тем индивидуализацией и конкретизацией общечеловеческой и Божьей идеи» [2, с. 66]. Правящий слой царской России, предаваясь национальному эгоизму, оказался бессилён проводить в жизнь народные идеи и решать стоящие перед ним задачи, из-за чего Российскую империю, как конкретную историческую индивидуацию России-Евразии, ждала болезнь и смерть. Эта гибель ещё не предполагает возрождения симфонической личности в её новом лице, но в конечном счёте оно стало возможным благодаря национальному самоотречению русского народа с приходом к власти большевиков. Отказ от великорусского национализма позволил собрать воедино все осколки Российской империи: Украину, Беларусь, закавказские и среднеазиатские страны. Характер крепкого и дружного союза, а не насильственного объединения был присущ новому советскому государству. То есть, национальное самоотречение сперва помогло русскому народу объединить вокруг себя все народы евразийского месторазвития, раскрыться в рамках симфонической личности России-Евразии, а уже позже также дало свои плоды для России как части всего человечества. Советский Союз вышел победителем из тяжелейшей войны, стал второй сверхдержавой мира, оказывал огромное культурное влияние на многие страны, в том числе и на те, что входили в «третий мир» – можно вспомнить, сколь много советские люди сделали в качестве помощи народам, высвободившимся из-под колониального гнета в XX веке. СССР помогал в развитии образования и здравоохранения, промышленности – как деньгами, так и специалистами, он выступал в качестве «наставника» для многих слабых, молодых государств.

Можно привести множество примеров того, как советский народ проявлял бескорыстие и человеколюбие в отношениях с другими народами, огромное количество проявлений национального самоотречения видны в изначальном западничестве большевизма и его дальнейшей ориентации на периферию капиталистического мира, но эта тема достойна отдельного исследования. Из рассмотренного нами же становится ясно, что евразийство (особенно учение Л.П. Карсавина) по-своему продолжает идеи всеединства В.С. Соловьева и восприятие его как разновидности русского национализма – ложное восприятие. Своеобразно об этом пишет и Вернадский: *«В течение всего исторического развития русского народа мы не видим сколько-нибудь строгой этнической его замкнутости. Русский народ обладает удивительной способностью впитывать в себя чуждые этнические элементы и их усваивать»* [1, с. 13]. Не стоит ограничиваться признанием такой способности лишь в антропологическом плане – она видна и в культурном, социальном, политическом, множестве других аспектов. Евразийство не рассматривает русский народ как господина, для которого другие народы – прислуга. Кроме того, евразийство говорит о том, что русский народ исторически состоятелен, силен лишь тогда, когда находится в органическом единстве с остальными частями симфонической личности и осознаёт себя в ней. Симфонической личностью в данном случае является не только Россия-Евразия, но и христианский мир, а также все человечество.

Литература

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2012. – 336 с.
2. Карсавин Л.П. Феноменология революции // Евразийский временник. Книга пятая. – Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. – С. 28 – 74.
3. Кошарный В.П. Евразийство: в поисках смысла русской революции // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – №2 (42). – С. 81 – 91.
4. Лебедева А. В. Национальный вопрос в философии В. С. Соловьёва // Соловьёвские исследования. – 2008. – №17. – С. 254 – 266.
5. Очирова Т.Н. Евразийство и философия всеединства (Обзор) // Русская философия во второй половине XX века. – 2000. – №2. – С. 121 – 143.
6. Полухин А.Н. Ранняя история восточных славян, Киевской Руси в исторической концепции П. Н. Савицкого // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – №381. – С. 136 – 141.
7. Прокуденкова О.В. Категория «Месторазвития» в концепции евразийцев // Вестник СПбГИК. 2012. №3. С. 11 – 15.
8. Пушкин С.Н. Евразийцы об Октябрьской революции // Философские науки. – 2017. – №7. – С. 97 – 110.
9. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России/ В.С. Соловьёв [сост. и вступит. статья А.А. Тесли]. – М.: РИПОЛ классик. – 2018. – 904 с.
10. Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. – М.: Издательство «Правда» – 1989. – 687 с.
11. Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Том 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Издательство «Правда» – 1989. – 735 с.
12. Сутормин С.О. Концепция месторазвития евразийского аспекта в научном наследии Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 384. – С. 126 – 131.

© Митрошин Д.А., 2021